

Варвара Жданова

«Мы не разбивали голубой чашки».

О классической традиции в произведениях Аркадия Гайдара

Маленькая «Сказка о Мальчише-Кибальчише» - вершина творчества Аркадия Гайдара, останется памятным явлением, значимым звеном в истории отечественной литературы.

«Конь – вороной, сабля – светлая, папаха – серая, а звезда – красная».

«Вот так же, как громы, загремели и боевые орудия. Так же, как молнии, засверкали огненные взрывы. Так же, как ветры, ворвались конные отряды, и так же, как тучи, пронеслись красные знамена. Это так наступала Красная Армия».

Ярчайшая символика и свежий метафоризм, чистое и четкое ритмическое построение, вдохновенно-ясная композиция, искренний патриотизм, стремления к духовной высоте, твердости воли, заложенные в идее сказки, монолитность идеи и содержания – все это делает «Сказку о Мальчише-Кибальчише» замечательным произведением.

В основе пушкинской «Капитанской дочки» лежит идея действенного спасающего милосердия. Это – движимая сила героев.

Современный читатель увидит, что в основу замысла «Тимура и его команды» легла та же идея – милосердие, безбоязненно и определенно проявившееся в делах.

« - Оля, бог есть?»

- Нет, - ответила Ольга и подставила голову под умывальник.

- А кто есть?

- Отстань! – с досадой ответила Ольга. – Никого нет!»

«Девочка, никого дома не бойся. Все в порядке, и никто от меня ничего не узнает». А ниже стояла подпись: «Тимур».

«Женя помолчала и опять спросила:

- Оля, а кто такой Тимур?

- Это не бог, это один царь такой, намазывая себе лицо и руки, неохотно ответила Ольга, - злой, хромой, из средней истории.

- А если не царь, не злой и не из средней, тогда кто?

- Тогда не знаю. Отстань! И на что это тебе Тимур дался?

- А на то, что, мне кажется, я очень люблю этого человека».

Дядя Тимура поет в оперной студии. Он играет роль чудаковатого старика-красноармейца, который поет арию о том, как ему беспокоит, как мерещится ему тайное вражье движение, угроза и натиск противника.

Здесь отчасти, может быть, Гайдар изобразил себя самого в двух ипостасях: современного бодрого и беспечного еще молодого человека и, одновременно, старика – так огромен жизненный опыт службы в Красной Армии в полусказочные, как кажется теперь, времена Гражданской войны.

Интересно, чувствовал ли сам писатель, что его рассказ «Р.В.С.», цельностью обрисовки образов, плавной гибкостью и силой развития сюжета, приподнятым стилем, являет собой благодарный материал для сочинения героико-романтической оперы. Видится сцена арии раненного комиссара. Места действия: сеновал в сарае, большая деревенская дорога, хата.

Шпиономания, настойчивый поиск диверсантов, расчетливых вредителей и прочих недремлющих врагов – в 1930-е годы становится общественным явлением, нашедшим отражение в произведениях Гайдара. Трудно отделить личные чувства (мнительность старого ветерана) от навязываемой извне позиции.

В рассказе «Дым в лесу» трое белогвардейцев, перешедшие границу, поджигают лес, для того чтобы после огонь перекинулся на корпуса нового завода. В «Судьбе барабанщика» объявившийся шпион называет себя дядей главного героя, чуть было не губит легковерного барабанщика. Бледно и надуманно выглядит сегодня повесть «Военная тайна», куда вставной новеллой помещена «Сказка о Мальчише-Кибальчише».

При том, что в знаменитом рассказе «Чук и Гек» очень много хорошего: например, чудо, какие правдоподобные характеры мальчиков, грубая и красивая природа – холодный снежный лес возле Синих гор; есть в композиции рассказа и авторской интонации и невнятность и рыхлость. Выскажем осторожное предположение, что рассказ, отчасти, является бессознательным отражением желания автора скрыться от проблем, опутавших столичный город, пусть и «лучший на свете», скрыться подальше, забыть, отказаться от борьбы, только в природе найти друга, соперника, собеседника. Кому из нас не знакомо такое желание?

Автобиографический персонаж повести «Школа», подросток Борис Гориков, находит дома на чердаке завалившуюся с 1905 года книгу революционных рассказов Степняка-Кравчинского. Книжка производит на него огромное впечатление. Думается, литература революционно-демократического направления предоктябрьской поры сильно повлияла на становление Гайдара как писателя. Гайдар с чистой открытой душой нераздельно воспринял идеологию и художественную суть таких книг. А ведь художественная ценность когда-то остро публицистически-своевременных произведений не велика: многое надуманно, неестественно, серо и отдает книжной пылью. Между тем, Гайдар остается верен полудетской привязанности, и в своей писательской манере многое почерпывает у этих учителей.

«Пыльные» бесцветные описания, бедный язык – от «народников» и «революционных демократов». Пылкое воображение, ритмика, юмор – от воспринятой традиции классической русской литературы. Будто мертвая и живая вода.

Классические произведения на военную тематику должны были повлиять на Гайдара.

Описывая Бородинское сражение в «Войне и мире», Л.Н. Толстой характеризует духовный настрой русского войска (обстоятельство, которое старый мудрый Кутузов считает решающим для исхода битвы).

«Как из надвигающейся грозовой тучи чаще и чаще, светлее и светлее вспыхивали на лицах всех этих людей (как бы в отпор совершающегося) молнии скрытого, разгорающегося огня. /.../

Грозовая туча надвинулась, и ярко во всех лицах горел тот огонь, за разгоранием которого следил Пьер».

В произведениях Гайдара подобный душевный подъем делает Красную Армию непобедимой силой.

«Севастопольские рассказы» Л.Н. Толстого (сдержанная сила, ясность, образность) с очевидностью повлияли на гайдаровское творчество. В рассказе «Севастополь в мае» Толстой обрисовал сцену, наверняка оставшуюся в творческой памяти Гайдара.

Десятилетний мальчишка «в старом, должно быть отцовском, картузе, в башмаках на босу ногу и нанковых штанишках, поддерживаемых одною помочью» ходил по долине, где вчера еще был бой. Он «набирал полевые голубые цветы». «Возвращаясь домой с большим букетом», он остановился возле одного убитого. «Мальчик вдруг вскрикнул, спрятал лицо в цветы и во весь дух побежал прочь к крепости».

Этот мальчик из «Севастопольских рассказов» - очевидный прообраз «гайдаровских детей» - ребят в книгах Гайдара.

Красочный романтизм Гоголя, сказочная воинственность в «Тарасе Бульбе» оказали огромное (неоцененное критикой) влияние на Гайдара, и, прежде всего, на его «Сказку о Мальчише-Кибальчише». В судьбах верного Мальчиша-Кибальчиша, замученного палачами, и Мальчиша-Плохиша, передавшегося стороне врага, угадываются судьбы казненного Остапа и предателя Андрия. Автор «Мальчиша-Кибальчиша» глубоко прочувствовал, как читатель, «Тараса Бульбу».

Тарас Бульба, схваченный «ляхами», погибает на утесе Днестра.

Героическая смерть Кибальчиша соотносима с описанием гибели Тараса.

«Теперь нужно только придумать, какую бы ему, собаке, лучшую честь воздать». И присудили, с гетьманского разрешения, сжечь его живого в виду

всех. Тут же стояло нагое дерево, вершину которого разбило громом. Притянули его железными цепями к древесному стволу, гвоздем прибили ему руки и, приподняв его повыше, чтобы отовсюду был виден козак, принялись тут же раскладывать под деревом костер».

Тарас видит внизу челны с козаками.

«И вспыхнули радостные очи у старого атамана.

- Прощайте, товарищи! – кричал он им сверху. /.../

Что взяли, чертовы ляхи? Думаете, есть что-нибудь на свете, чего бы побоялся козак? Пойдите же, придет время, будет время, узнаете вы, что такое православная русская вера! /.../

А уже огонь поднимался над костром, захватывая его ноги и разостлался пламенем по дереву... Да разве найдутся на свете такие огни, муки и такая сила, которая бы пересилила русскую силу!»

Одинокая гордость и непреклонность воли героев Лермонтова, грусть и героика в его романтической лирике сказываются в произведениях Гайдара.

В Мальчише-Кибальчише есть нечто от лермонтовских героев, может быть, Демона, может быть, есть нечто и от овеянного трагической любовью многих поколений читателей образа самого погибшего Лермонтова.

В повести «Судьба барабанщика» лермонтовское стихотворение (из Гете) «Горные вершины спят во тьме ночной» ветеран Гражданской войны (отец подростка-барабанщика) называет солдатской песней.

Подожди немного –

Отдохнешь и ты.

« - Как не солдатская? Ну, вот: это горы. Сумерки. Идет отряд. Он устал, идти трудно... А на перевале белые. «Погодите, - говорит командир, - еще немного, дойдем, собьем... тогда и отдохнем. Кто до утра, а кто и навеки...» Как не солдатская? Очень даже солдатская!»

«Судьба барабанщика» (1938) – произведение интересное в историко-литературном отношении. Хитрец-«дядя» и зловещий старик Яков, морочащие голову юному барабанщику, взяв его в поездку по стране – не просто ловкие

авантюристы, это опасные враги-диверсанты. В этой повести Гайдар стремится открыть для легковерных подростков «истинное лицо» плута – героя авантюрных книг, развеять отрицательное обаяние, флер привлекательности такого персонажа.

Остап Бендер – самый известный опасно обаятельный авантюрист, созданный советскими писателями Ильфом и Петровым. «Дядя» легковерного барабанщика – это, по сути, вариация на тему Остапа Бендера.

Прежде всего, Гайдар меняет к худшему внешние черты Бендера (однако, мы узнаем его по «желтым ботинкам»): «... Передо мной оказался низкорослый толстый человек в сером костюме и желтых ботинках».

Шутки Бендера, его манера говорить, приводя смешные примеры из жизни, его речевой строй, его ирония узнаются в чуткой интерпретации Гайдара.

« - ... Дорогая сестра уехала, так и не дождавшись родного брата! /.../ Узнаю, узнаю беспечное создание! – укоризненно качнул головой толстяк. – Помню еще, как в далеком детстве она полила однажды кашу вместо масла керосином. Съела и страдала, крошка, ужасно. Но скажи, друг мой, почему это у вас в квартире как-то не того?.. Сарай – не сарай, а как бы апартаменты уездного мелитопольского комиссара после веселого налета махновцев».

«Дядя» поет романс, где с подозрительной иронией говорится: «превосходная наша страна».

«Что, хороша песня? То-то! А кто сочинил? Пушкин? Шекспир? Анна Каренина? Дудки! Это я сам сочинил».

Тут бы барабанщику сравнить подозрительный романс с хорошими солдатскими песнями, которые пел ему отец – красный командир, но веселый «дядя» очень нравится мальчику.

«Кто этот мощный старик?» - риторически вопрошал Остап Бендер, имея ввиду Ипполита Матвеевича Воробьянинова. Нетрудно догадаться, что спутник «дяди» - злой бандит старик Яков – это вариация Воробьянинова.

Обрисовывая в «Судьбе барабанщика» некоторых второстепенных персонажей, Гайдар так же варьирует образы Ильфа и Петрова. В недалекой и легкомысленной мачехе барабанщика Валентине узнается Эллочка-людоедка.

Сумасшедшая старорежимная старуха, у которой остановились «дядя», старик Яков и мальчик, карикатурно напоминает Елену Станиславовну Боур и, одновременно, старушек из советской богадельни в «Двенадцати стульях». «Вы тот же великодушный рыцарь», - говорит Елена Станиславовна вернувшемуся в город Воробьянинову. У Гайдара о старухе: « - Спаситель! Ах, спаситель! – сказала она, постучав костлявым пальцем по плечу дяди».

«Двенадцать стульев» и «Золотой теленок» кажутся Гайдару пустоватыми книгами, но, вряд ли, это так на самом деле. Ильфу и Петрову удалось затронуть важные струны сознания читателя, за веселыми строчками скрываются важные постулаты. Поэтому у романов Ильфа и Петрова сильная аура, и Гайдар невольно подчиняется этой силе притяжения, играя с интересными персонажами.

« - Рио-де-Жанейро – это хрустальная мечта моего детства, - строго ответил великий комбинатор, - не касайтесь ее своими лапами».

В эпилоге гайдаровской повести барабанщик беседует о своих бывших друзьях с майором НКВД.

« - а он... Ну, который дядя?

- Шпион, - коротко ответил военный.

- Чей?

Человек усмехнулся. Он не ответил ничего... и неторопливо показал рукой в ту сторону, куда плавно опускалось сейчас багровое вечернее солнце».

Гей!.. Гей!..

Мы не разбивали голубой чашки.

Нет!.. Нет!..

Поет Светлана в «Голубой чашке», и высокие лесные цветы кивают ей головками. Светлана сочиняет, что она – барабанщица.

Голубая чашка – метафора мира: мира в семье, мирной жизни в стране, земли без врагов. Хрупкая голубая планета, которая нуждается в защите.

В поле ходит Красная Армия.

(Это она пришла из города.)

Красная Армия – самая красная.

А белая армия – самая белая.

2009 г.

Примечание. Статья «Мы не разбивали голубой чашки» вошла в состав сборника В. Ждановой «Кукольный дом», опубликованный LAP Lambert Academic Publishing.

